

A black and white close-up photograph of a snake's head, showing its eye and the intricate, wrinkled texture of its scales. A semi-transparent grey rectangular box is overlaid on the right side of the image, containing the author's name and the title in white text.

Анна Тотти

УЛЫБКА БУМАЖНОГО
ЗМЕЯ

Анна Тотти

Улыбка бумажного змея

«Издательские решения»

Тотти А.

Улыбка бумажного змея / А. Тотти — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931802-2

В поисках себя мы забредаем иногда в такие дебри, улетаем в такие дали и выдумываем для себя такие истории, что забываем, кто мы, зачем шли и для чего уносились ввысь. Но в самой дальней дали еще никто не был брошен. Надо только дождаться подсказки, понять, что это знак судьбы и начать двигаться в указанном направлении.

ISBN 978-5-44-931802-2

© Тотти А.
© Издательские решения

Улыбка бумажного змея

Анна Тотти

© Анна Тотти, 2018

ISBN 978-5-4493-1802-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Улыбка бумажного змея..

– Согласись, это заманчиво – стать счастливым. Здоровье, благополучие, изобилие – есть к чему стремиться. Даже исполнение желаний не пугает – мы ведь уже достаточно разумны и опытны, чтобы своими мечтами не натворить бед. Мы уверены в этом. Мы загадываем желания. Кто чаще, кто реже. Это делают даже самые прожженные реалисты. Обязательно 31 декабря и в свой день рождения. А потом ждем. Иногда явно и нетерпеливо, порой тайно, иногда отставляем задуманное на самые задники подсознания, почти забываем о нем. Но душа-то помнит. Мы готовы приблизиться к манящим вершинам, приручить их. Какие только приемы мы не используем для этого! Уж тут все средства хороши. Мы забываем, что для достижения цели нужно не так уж много— любовь, труд, терпение. И вера, – Гога откинулся в кресле и закинул ногу на ногу.

Он вошел в свою роль – вещателя великих истин. В такие минуты у меня всегда возникает непреодолимое желание сказать что-нибудь поперек его истины. Даже если я согласна с ним. Мне хочется начать спорить, пусть даже все сказанное верно, и придраться не к чему.

– Но ведь и удачу со счетов сбрасывать нельзя! – сказала я, не сдержавшись, с той интонацией, которая, совершенно точно, не пройдет незамеченной, и вызовет у Гоги ответное желание доказывать свою правоту с пеной у рта.

– А что это такое? – победно взвился его голос. – Что ты имеешь в виду под словом «удача»? Ее восточную версию или западную? На востоке вообще странно для нас определяют удачу. У китайцев, например, это трехсоставная субстанция. Во-первых, это взаимоотношение человека с землей, потом внутреннее состояние этого человека в данный конкретный момент, и, наконец, взаимодействие первого и второго – все вместе дает удачу небесную.

– Небесная – это когда все сразу и много?

– Это уже российская удача. Всего побольше, побольше, а потом как-нибудь разберемся, нужно нам это было или нет. У них по-другому: без больших энергозатрат и с радостным ощущением гармонии, царящей в душе и мире.

– Звучит заманчиво. С трудом и терпением сложнее.

– Конечно, сложнее, но, если подумать, «труд» и «терпение» – не китайские ли это «взаимоотношение с землей» и «внутреннее состояние человека»?

– Может быть. Но хочется легкости. И не только мне. Махнула палочкой и оп! Волшебства хочется.

– Взрослая уже девочка, чтобы в сказки верить, – произнес Гога свою любимую фразу неподражаемым тоном.

– А самому-то не хочется? – я старалась не заводиться. – Всем и всегда хочется. Потому и используют все возможные способы, помимо труда и терпения. И использовали. Во все времена. Обращались, например, к духам? Почему нет? Всегда было. Задабривали, приносили жертвы в надежде, что те помогут направить реку жизни в нужное русло. Спрашивали совета,

просили приоткрыть будущее, гадали. Не для этого разве? Вот тебе и волшебство, и оношение к нему человека.

– По поводу тонких вещей ничего сказать не могу, потому что с духами не знаком и ничего от них никогда не ждал.

– А вдруг то, что мы называем духами это на самом деле не изученные пока силы природы, ее часть, проявление ее законов? Вдруг это из той же серии, когда, чтобы улучшить работу сердца, нужно помассировать точки на ступне, растереть мизинец или сложить пальцы рук в определенную мудру? Мы этих связей не видим, но восточная медицина утверждает, что они есть.

– А чтобы хорошо зарабатывать, необязательно работать, нужно просто поставить в офисе аквариум с золотыми рыбками.

– А почему нет? Одно другому не мешает.

– И ты хочешь?...

– Попытаться найти взаимосвязь между невидимым и реальностью.

Гога покачал головой – бред. И я решила.

1

Решившись на этот шаг, я – Рак по гороскопу – знак особо чувствительный к расположению небес и людей, этакий путешественник по жизни, порой, мало обращающий внимание на ее достопримечательности, занятый собственной персоной и собственной сияющей мечтой, сооруженной пусть без особой тщательности, но с большим энтузиазмом, итак, я перелопатила горы литературы, послушала прорицателей и гадалок, оздоровилась или наоборот подорвала здоровье по нескольким из многочисленных методик, попыталась по другим приманить удачу и богатство, и поняла одну вещь: все это – слишком длинные дороги к счастью, усеянные камнями, ловушками, ложными указателями и лабиринтами, не имеющими выхода. Не успеешь оглянуться – жизнь прошла, а ты все еще недостаточно богат, не всегда здоров и сияние твоего успеха не слепит соперников и не освещает путь единомышленникам.

Кроме того, подручные инструменты, используемые для магического действия, как правило, дороги, громоздки и не всегда соответствуют случаю. Чего только стоит визит к колдуньям с горящими глазами и лапками кузнечиков в волосах! Или взять карты Таро, и тома комментариев к ним – деньги потратил, раскинул и с ужасом ждешь вердикт. А вдруг гадость какая-нибудь выпадет, и ведь будешь верить, потому что так устроен человек: засядет слово в подвалах памяти, и уже не ты ему хозяин, а оно начинает заправлять твоей жизнью. А гороскопы, в которых есть все возможные варианты будущего. Можно начать чтение Львом, закончить Водолеем, а потом весь день чувствовать себя Скорпионом... Или вошедший в моду фэн-шуй – тоже недешевое удовольствие. Попробуйте-ка приобрести все необходимые амулеты, переставить мебель в квартире, как того требует древняя наука, вырубить или наоборот посадить дерево около порога, снести угол неловко стоящего соседнего дома, который перекрывает свободное течение ци. Если бы требования фэн-шуй ограничивались элементарными, как-то: держать закрытым унитаз – чтобы положительная энергия вашего дома не стекала вместе с водой в городскую канализацию, проветривать помещение и своевременно подчищать хлам. Так нет же! Проверять-перепроверять по компасу места, где, в соответствии с древней китайской наукой, нужно разместить аквариум с рыбками, цветы, деревья с округлыми листьями, фотографии любимых, китайский «голос ветра» или обычные медные колокольчики, камин с живым огнем, фонтанчик. А когда жить?

Я пошла по наилегчайшему пути, нашла способ, приемлимый даже для самых ленивых. В сущности, тот же гороскоп, но все объясняешь сам, потому что переведенный с китайского текст абсолютно иденферентен в любую сторону – зла или добра. Затрат материальных – ноль,

временных – пять минут, а поле для раздумий открывается широчайшее, главное иметь положительный начальный посыл, как в той дурацкой песенке: «Хорошо, все будет хорошо...»

Как это делается? В трудную минуту берешь китайскую «Книгу перемен» – «Ицзин», достаешь из сумочки три монеты любого достоинства, кидаешь шесть раз и, в зависимости от сложившейся гексаграммы, становишься на этот день или любимцем фортуны со всеми вытекающими последствиями, или откладываешь важные дела до лучших времен, что тоже хорошо – отдохнуть иногда надо. Эти несложные манипуляции, дающие хорошие результаты «малой кровью», настраивают на веселый лад и, возможно, благодаря этому востребованны и действенны.

Здесь, как в любой игре, существуют правила, но они необременительны.

Во-первых, не задавать древней китайской книге один и тот же вопрос дважды, даже если не удовлетворены полученным ответом. Во-вторых, не распыляться и за один сеанс не пытаться решить больше одной проблемы. И в-третьих, не расстраиваться, даже если выпадает одна из четырех худших – по китайским меркам – гексаграмм: 3, 29, 39 или 47 – на следующий день выпадет другая. Снаряд не попадает в одну воронку дважды.

Был период времени, когда я не могла долго прожить без этих сплошных и прерывистых линий. Чуть ли не каждый день я улучала момент, чтобы определиться по китайской методе. Однажды, открыв в очередной раз тетрадку, в которую я заносила результаты общения с древним манускриптом, я обнаружила, что прошел ровно год с моего первого опыта. Даты шли в хронологическом порядке и отмечали один за другим дни сомнений. Так после тридцатого октября и соответствующему этому дню номеру гексаграммы, в тетради стояла дата – тридцатое ноября, потом третье декабря, двенадцатое декабря и т. д. Я открыла «Книгу перемен» и прочла о том, как сложился для меня прошедший год в соответствии с занесенными в тетрадь номерами китайских рисунков. Всего восемьдесят одна гексаграмма и, соответственно, восемьдесят одна рекомендация. Так как в соответствии с «Ицзин» возможны всего шестьдесят четыре варианта гексаграмм, получалось, что в течение года некоторые картинки повторялись. Например, гексаграмма номер 36 встречалась в моей тетрадке три раза. Толкование ее гласило: «В настоящее время вам сопутствует удача, но не будьте слишком самонадеянны, ситуация может измениться. Действуйте обдуманно и предусмотрительно, не увлекайтесь любовными авантюрами. Со стороны вы производите впечатление баловня судьбы, и потому, вполне возможно, окружающие истолковывают ваши поступки превратно, но не тревожьтесь, в ближайшем будущем все встанет на свои места.

Желания ваши исполнятся. Будьте экономны».

Это было интересно. Теперь можно было писать роман или околонучный трактат о своей жизни, сочетающий рекомендации и предостережения древних, собственные воспоминания и анализ совпадений и расхождений первого и второго. Это был бы некий эксперимент с прошлым. И я уже собралась было взяться за это интересное дело, но в последний момент остановилась.

Экспериментировать с собственной персоной, пусть даже с прошедшим отрезком своей жизни – дело небезопасное, думаю я, по той простой причине, что прошлое слишком близко стоит к настоящему и будущему и прочно связано и с тем, и с другим.

И может и по носу щелкнуть за наглость... Если что.

Для проведения подобного эксперимента нужно обладать немалым мужеством, и потому лучше изучать чужую жизнь и чужие пути достижения счастья, решила я, так спокойнее. И неважно, что при этом чистота эксперимента утрачивается, а изучение движения к счастью превращается в эксперименты с речью.

Гексаграмма номер 4. «Все вокруг вы видите, будто сквозь некую пелену, но она скоро спадет, и мир вновь обретет для вас ясность. Однако, поскольку в настоящее время нервы ваши сильно расшатаны, не принимайте скоропалительных решений. Если хотите добиться успеха, не пренебрегайте советами старших, вдумайтесь в них, скоро все изменится. Не унывайте, побольше времени уделяйте общению с детьми. Новые планы, новые проекты уже возникают, но даже близко нет новой любви. Сконцентрируйте волю на исполнение одного—единственного желания.»

Александрю снился сон. Он выходит в столовую дома престарелых, необычайно просторную, освещенную голубым телевизионным светом, оглядывается и не узнает окружение. Обычно эта комната едва вмещает пятнадцать убогих стариков – маленькая, с двумя огромными окнами-витринами, которые неудобны и жарким летом, когда солнце в полдень само одуревает от зноя, и сырой зимой, плачущей дождями, выходит упругим шагом молодого человека и видит ее.

За окном – ночь большого города – не бархатно-черная, а ржаво-рыжая, разбавленная светом круглого желтого фонаря. Фонарь похож на полную луну на тонкой ножке, выросшую на синтетическом газоне. «Вечное полнолуние, – думает Александр, – оттого здесь хочется волком выть.»

В столовой висящий под потолком телевизор плюется словами давно забытого языка, а внизу – развалившись в пластиковом кресле, сидит она – его сладкая мучительница. Она сидит расслабленная, в полудреме. Ее глаза подернуты сонной негой. Полные губы не сомкнуты, и в голубоватом свете телеэкрана из-за них поблескивают ровные острые зубки хищницы. Большое, размякшее от жары тело. Ноги в плотно обтягивающих черных коротких лосинах закинута на стол. В безвольно свисающей с подлокотника руке – тлеющая сигарета, хранящая отпечатки губ. Он подходит к ней вплотную, большой, здоровый, крепкий мужчина, возвышается над ней, такой маленькой, глупой, бестыжей женщиной. Она выныривает из дремы, видит его, и в глазах ее появляется обычная насмешка.

– Как ты донес сюда свои телеса, старый хрен, – говорит она, – И ведь смог же, посмотри-ка на него... Что же ты прикидываешься немощным днем? Тебе нравится, ездить на моем горбу? Или тебе чего-то хочется?.. Все еще хочется?.. – дальше она говорит совершенно непотребные вещи и протягивает руку для того, чтобы, как обычно, ущипнуть его за ставшее ненужным и причиняющим только боль место.

И тогда он неуловимым, стремительным, молодым движением легко перехватывает ее руку, срывает с кресла и толкает к столу. В первое мгновение она пытается сопротивляться, бьет его в грудь свободной рукой, ругается непристойно. Она еще не понимает, что с ним, теперешним, шутить нельзя. Но минутой позже замирает, обмякает в его руках. Она привыкла подчиняться силе. Она любит силу. Он срывает с нее одежду и потом делает с нею все, что давно хотел сделать, о чем мечтал ночами, лежа без сна, наедине с болью и страхом в одинокой тишине этого жалкого пристанища для стариков, делает то, что делали тысячу раз – он знал и слышал это – с ней другие мужчины темными ночными часами. И она, как всегда, страстно и отчаянно кричит, даже не пытаясь сдерживаться, потому что абсолютно уверена в молчании девяти немощных старух и трех стариков, затаивших дыхание и превратившихся в слух в своих холодных постелях, и под ее крики вспоминающих молодость, которой, казалось уже, никогда не было. Как и много раз до этого, дом напрягся и ждал ее всеокрушающего финального крика, и в ватной тишине комнат слышалось только скрипучее и жадное лязганье челюстей полуживых старух и стариков, а воздух становился неоновым от тусклого блеска двенадцати пар глаз, затуманенных желанием.

Абсолютно правильный диск луны вздрогнул, взмыл вверх, наполнился неудержимо-пронзительным сиянием и взорвался, осыпая искусственный газон ослепительными осколками. Старый дом со всеми приживальцами перевернулся, и Александр открыл глаза.

Стояла ночь, в окно светила настоящая луна, а в комнате для персонала кричала Ольга, и тяжело дышал мужчина.

3

Гексаграмма 49. «Все вокруг вас пребывает сейчас в движении, все меняется, но в конце-концов хорошие результаты превзойдут самые смелые ваши ожидания. В настоящий момент вы не чувствуете в себе уверенности, но скоро она вновь вернется к вам вместе с новыми перспективами, обстоятельства изменятся к лучшему. Вы измените свои недавние планы и отправитесь туда, куда прежде и не собирались. В игре вы сейчас удачливы».

У него было приносящее удачу имя – Аурель. Аурель Дбружевич. После освобождения он носил длинные волосы, как в молодости, аккуратно зачесывая их назад, имел на среднем пальце татуировку в виде перстня, держал очень прямо спину и ходил абсолютно бесшумно, как охотник или индеец. Все говорили, что он похож на Гойко Митича – героя вестернов из его молодости. Ему нравилось это сравнение.

Пятьдесят прожитых лет отметились на его худом, смуглом лице глубокими бороздами, ногти среднего и указательного пальцев правой руки пожелтели от огромного количества выкуренного за тридцать пять лет, в темных волосах поблескивали седые волоски, но ослепительно-голубые глаза отражали живущую в нем душу двадцатилетнего юноши, абсолютное бесстрашие, ничем не уничтожимую гордость, волю и готовность к любви.

В тот год, когда исполнилось десять лет после расстрела Николаэ Чаушеску, он в третий раз уезжал из Румынии на заработки. В первый раз он работал в соседней Чехии. Это произошло спустя три года после выхода из тюрьмы, где он оттрубил пять лет как «пособник бесчеловечного режима». Он служил в армии Чаушеску, охранял резиденцию генсека, был арестован и осужден вместе со многими другими. Ауреля не расстреляли потому, что он никогда никому не делал зла, и вины его не было ни перед Богом, ни перед людьми – то есть по чистой случайности.

В Чехии он все лето, с мая по сентябрь, ставил дома. Заработал немного, больше потратил на жилье и сигареты и вернулся домой совсем не богачем. Денег хватило на то, чтобы перекрыть крышу дома и жить, не очень прижимаясь, полгода.

Сосед, работавший в то же самое время в Израиле, строил теперь новый дом. Он рассказывал фантастические истории об несметном количестве работы в этой жаркой стране, о пыльных южных женщинах и о своих успехах на этом поприще. Мужчины слушали с недоверием и завистью, хвастались своими приключениями. Аурель помалкивал, охраняя покой семьи. Он знал, что деньги и кроличий синдром таинственным образом связаны, что связь эта прямая – чем более активен в одном, тем больше тебе дается другого, но еще он знал, что все может полететь в тартарары, если к простым инстинктам добавится что-нибудь более сложноустроенное, любовь, например.

Он давно уже не занимался поисками любви, потому что она ждала его дома, его жена Клаудиа. Заработать он мог. И несмотря на то, что благополучие никогда не давалось ему легко, как некоторым везунчиком, он знал, что его упорный труд будет вознагражден.

Во второй раз Аурель отправился на заработки не в соседнюю Чехию, а в Израиль, о котором рассказывал сосед. Здесь за работу платили в несколько раз больше, и в декабре-феврале не нужна была зимняя одежда, потому что самый сильный дождь с ветром при плюс двенадцати – это не зима. Кроме того, в Израиле у него был интерес личного свойства, о котором

он не рассказывал никому. Только младший брат знал об этой тайне, и с надеждой ждал его возвращения

Эта первая поездка в Израиль получилась тяжелой. Оказалось, что к жаре не так-то просто привыкнуть. Зной временами делался непереносимым, а работать приходилось под палящим солнцем. Аурель загорел дочерна, еще сильнее похудел, и теперь больше, чем когда-либо был похож на героя американских вестернов. Иврит давался с большим трудом, и пока Аурель не встретился с очаровательной девушкой- румынкой и женщиной из Молдовы, он по большей части молчал, и временами ему казалось, что он скоро разучится говорить. К радости Клаудии, денег, заработанных во время первой поездки Ауреля в Израиль, семье Дбружевичей хватило на два года безбедной жизни в родном городке.

Возможно, хватило бы и на более долгий срок, если бы не ряд причин. И первая – младший и единственный брат Ауреля умер, оставив без кормильца семью. Вторая – их с Клаудией старший сын, которому только-только исполнилось двадцать лет, решил жениться. В конце лета он привез из Бухареста юную, миловидную девушку, еще моложе, чем он сам – знакомиться. Девушка много улыбалась, говорила мало, и явно смущалась присутствием родителей. Когда сын с невестой уехали, Клаудия сказала твердо, что для общего счастья и благополучия старикам не следует жить с молодыми. и нужно покупать или строить новый дом. Другого выхода, по ее мнению, не было.

Существовала еще одна проблема, которая осталась нерешенной с прошлой поездки, а до этого жила много лет, этакая душевная заноза или вялотекущая болезнь, присутствие которой ощущается в самые тяжелые минуты. Об этой занозе кроме Ауреля знал только младший брат. Пока был жив.

В конце октября Аурель снова ехал работать в Израиль, в эту странную, ни на одну другую не похожую страну, которая умеет приворожить человека или напрочь отвратить от себя того, кто ей не подходит. Аурель собрался за месяц: сходил в фирму, которая за солидные деньги отправляла рабочих в другие страны, подписал договор о том, что не будет иметь претензии к фирме-отправителю, если... , получил визу, оплатил билеты, купил черно-желтую ковбойку, коричневые мягкие мокасины и бежевые вельветовые брюки – на зиму. Дал жене брата денег – на первое время. До отъезда еще оставалось несколько дней, и он занялся домом, потому что уезжал не на неделю и не на две: подправил то, что требовало ремонта – близкое расставание прибавило зоркости глазу.

Один из вечеров Аурель посвятил своей коллекции курительных трубок, которая насчитывала девяносто два предмета и являлась объектом его гордости. Некоторым экземплярам из этой коллекции было по сто с лишним лет. Вот, например, под номером три находится курительная трубка из Франции конца девятнадцатого века, она не простая, а с дополнительной чашей. Обе чаши выполнены из дерева, а мундштук – из оленего рога, Трубка инкрустирована металлическими вставками. Или вот эта – одна из любимых трубок Ауреля – «охотничья» с крышкой, сделана в России в тридцатых годах двадцатого века, фарфор с росписью на охотничью тематику, металл, деревянная вставка с винтовой нарезкой, чубук крепится шнурком к мундштуку. Высота трубки 29 см. Номер шестьдесят семь. Какие-то трубки являлись настоящим шедевром ручной работы, как вот эта – под номером двадцать один: Дерево, янтарь, резьба. Франция, первая четверть двадцатого века. а были и такие, что принадлежали персонажам историческим, например, под номером девять хранилась трубка Николае Чаушеску, «покровителя и благодетеля». И истязателя многих тысяч людей, как оказалось. Аурель не знал его таким.

Все трубки были разложены в матерчатые кармашки черного бархатного «патронташа» размером шестнадцать на шесть,. Рассчитанного, таким образом, на девяносто шесть предметов. Сейчас были заняты девяносто два из них. Четыре кармашка были пусты.

Аурель аккуратно свернул «патронташ» и уложил почти пятикилограммовое сокровище в самый нижний ящик деревянного комода с искусной резьбой вокруг кованых ручек. Он никогда не курил из этих трубок, потому что для каждой из них, чтобы трубка «зазвучала», нужно подобрать один-единственный сорт табака, который соответствовал бы именно этому материалу и этой форме, а для некоторых трубок табак требовался и вообще драгоценный...

Когда наступил день отъезда он еще раз проверил уложенные в чемодан вещи, взял кожаную куртку – на случай зимних пронзительных ветров с моря, зачесал назад темно-русые волосы, пригладил вислые усы, обнял отца, поцеловал жену и сыновей и уже повернулся было, чтобы уходить, но Клаудия остановила его. Она быстрым шагом поднялась на второй этаж, где находилась их с Аурелем спальня, и через несколько минут спустилась вниз с маленьким кожаным мешочком в руках. Мешочек был стянут кожаной тесемкой, такой длины, чтобы его можно было свободно носить на шее. «От сглаза и от соблазнов, от злых энгергий и сил, подстерегающих нас в пути. Там внутри Дух Святой. Не снимай», – сказала она, надевая амулет на шею мужу, и глаза ее заблестели.

4

Гексаграмма 38. «Эта гексаграмма означает, что данный период вашей жизни лишен гармонии. Вам кажется, что все вокруг придираются к вам, настроены злонамеренно. Даже самые незначительные мелочи выводят вас из себя. Успокойтесь, не нервничайте, положение скоро исправится. Сподвижников вам сейчас найти трудно. Некая женщина действует вам на нервы. Следите за своими словами, и не принимайтесь ни за что новое. В поле ваших интересов в данный момент находится целый ряд вещей, совершенно не соответствующих вашим истинным желаниям.»

Ольга, прикрывшись пестрым покрывалом, сидела в кровати. Бени стоял к ней спиной и застегивая брюки. Если бы он не был ее начальником, он был бы прекрасным любовником, а так между ними постоянно стояли ее подневольность и его неограниченная власть над этим домом, вместе с ней и со всеми его стариками, старухами, запахом старческих слез, отблеском серебряных паутин, быших когда-то старушачьими волосами, забытыми их бывшими владельцами в пропитанных вздохами затхлых углах. Она вздохнула, поправила бретельки маечки, которую впопыхах забыли снять, и стала ждать окончания свидания, которое, как и все остальные не отличалось разнообразием.

– Я пошел. Уже поздно, – сказал Бени, – Ты завтра работаешь?

– Вечером, с Рукией, – ответила она, старательно складывая слова чужого языка.

– Ну, и хорошо. Увидимся. Бай, – и он растворился в ночи.

«Будто бы и не было его. Козел, – злость вдруг ударила в голову, – К Рукие даже не пытаешься подступиться, дерьмо. Боишься. Только попробуй – сразу – чик – все твое хозяйство под корень. Хорошо, если живым оставят. Арабы.. Они умеют постоять за своих женщин. Да и за себя тоже. Это только наши мужики сопли жуют, пока их баб, за ими же заработанную копейку, всякие придурки трахают.»

Рукия была санитаркой в пропахшем старостью гареме, где безраздельно царствовал сорокапятiletний смуглый мужчина. Ее, единственную изо всего обслуживающего персонала, Бени держал не за то, что она была женщиной, а потому что весь дом существовал благодаря ей. Этот двор с зеленой травой, эти вымощенные разноцветным камнем дорожки, кухня, в которой сукразитные шарики – по распоряжению хозяина – шли на счет, а в огромных холодильниках гнили красные перцы, зеленые кабачки и желтые яблоки, эти семь комнат старческой безысходности – все тщательно обихаживалось ею – полноватой тридцатилетней арабкой с открытым приятным лицом и покладистым характером. Наверное, Бени не обошел бы своим вниманием

и ее – ее круглое лицо было миловидно, большие черные глаза смотрели застенчиво, а крупные губы всегда улыбались навстречу собеседнику. Скорее всего, в один из вечеров хозяин, ощутив очередной нестерпимый зуд похоти, увел бы и ее в маленькую комнатку, едва вмещающую белый металлический шкаф и две высоких кровати, и сделал бы своей наложницей, как и всех остальных работавших у него женщин. Но он боялся – и совершенно справедливо – остаться после этого немужчиной, а то и вовсе трупом – нельзя без последствий надругаться над арабской женщиной.

Вечерами за Рукией приезжал младший брат и увозил ее в свой дом, где она жила вот уже почти два года. До этого она шесть лет была замужем. О том, что случилось в ее семье, Рукия не распространялась. «У нас не могло быть детей, поэтому муж не захотел жить со мной. Он взял себе молодую жену», – говорила она обычно, опуская глаза и краснея, если кто-то спрашивал ее о семейной жизни или о детях.

Утром на смену придут Лиля и Светка. Сорокапятилетняя одинокая Лиля – постоянно ожидающая внимания хозяина и ревнующая его ко всем, кроме Ольги, и молоденькая, хорошенькая Светка – на данный момент любимая жена этого мстичкового эмира. Она появилась в Доме месяц назад, улыбнулась пухлыми губами, произнесла длинный монолог на родном языке хозяина, ответила, улабаясь, на его вопросы. Тоненькая ниточка трусов между округлых ягодиц была едва заметна под просвечивающим на солнце нежно-зеленым платьем с разводами ярких тропических цветов. Точеные ножки на высоких коблуках ступали легко. Все это вкупе решило исход дела. На третий день Светка была определена в ночную смену, а на четвертый – назначена старшей в Доме после господина, с приличной зарплатой и полным отсутствием каких-либо обязанностей, кроме одной – улаживать Бени. Да и то: зачем еще нужна медицинская сестра в месте, где из соображений экономии полностью отсутствуют какие-либо медпринадлежности.

Она прекрасно справлялась со своими обязанностями, и через две недели вся власть в Доме оказалась в ее руках. Вся, которую позволил ей взять Он – повелитель женщин, старух и трех бессильных стариков, которые были уже почти мертвы, но помнили, что когда-то и они сами были всемогущи.

Бени ушел. Бледно-желтая луна на тонкой ножке освещала постриженную траву, цветы вдоль дорожек, молодую, с коническим стволом пальму возле крытой веранды. В столовую через кружевные занавески ветер и свет фонаря несли колышущиеся узорчатые тени. Было душно и влажно. Ольга включила кондиционер – все равно Бени сегодня уже не появится и не будет ругать ее за транжирство, а старики хоть чуть-чуть отдохнут от жары, закрыла входные двери, обошла дом. В последней комнате во сне громко всхрапывала Ривка. Ольга покопачьи тихо прокралась мимо ее двери, чтобы не разбудить эту грозную и в восемьдесят лет старуху. В комнате Александра она услышала слабое постанывание, вошла: на освещенном лунным светом лице спящего старика светилась улыбка.

– Вот ведь старый хрыч! Давно уже ничего не может, а туда же!

Она наклонилась и хлопнула рукой где-то посередине между торчащим животом и коленями. Старик вскрикнул и открыл глаза.

– Что, сны не дают покоя? – спросила Ольга по-русски.

Старик страдальчески улыбнулся, неловко высвободил из-под простыни руку и схватил за край ее коротенькой маечки.

– Да отстань ты.., – Ольга стукнула его по руке, – Спи уже.

– Я еще возьму тебя, – пообещал старик на своем языке.

Это была устойчивая языковая форма, но Ольга, переведя – и то с большой погрешностью – известные слова, добралась только до поверхностного смысла.

– Ну конечно, покатаемся, покатаемся с тобой. Поедем вместе. Где твои денежки, старый хрыч. Дело только в этом.

Гексаграмма 32. «Вы разрываетесь на части, пытаетесь двинуться сразу в двух направлениях. Если сохраните выдержку, все завершится с пользой для вас. Не стремитесь к переменам. Желание ваше исполнится, если вы будете терпеливы. Нелишне сейчас провести „внутреннюю инвентаризацию“ и попытаться как следует разобраться в дальнейших планах, намерениях. Для новых начинаний момент неподходящий.»

В самолете Аурель вспомнил брата. Если бы тот был жив, возможно, сейчас они летели бы в Израиль вместе. Брат был на два года младше, и умер два месяца назад, когда ему только-только исполнилось сорок пять. После вскрытия врач сказал, что рак сожрал его всего, а начал, судя по всему, с желудка: такое, мол, бывает у человека беспокойного, метущегося, не умеющего прощать.

Аурель ничего не ответил тогда, потому что знал, что причины лежали гораздо глубже, и дело было не только в свойствах характера или нежелании забывать причиненное кем-то зло. Он не стал говорить всем известных вещей о том, что больше всего боли приносят люди, которых больше всего любишь. Аурель не стал рассказывать и о том, как брат был похож на мать, как он умел смеяться и как им было хорошо вместе. К чему постороннего человека посвящать в семейные дела. Но сам он в последнее время часто откручивал, как кинолентку, время назад и просматривал, просматривал, просматривал напряженным взглядом день за днем, год за годом, пытаясь понять, когда и почему смерть восторжествовала в этом человеке. Что в душе его брата стало той болью, тем колышком, за который смогла уцепиться болезнь, и почему она не ушла по прошествии своего времени, как это часто бывает, а осталась навсегда и разрушить тело.

Первой болью, которую так и не смог забыть брат, был уход из семьи отца. Младшему тогда было десять, а Аурелю двенадцать лет, и он помнил, как плакала совсем еще молодая мать, как в момент опало ее лицо, и потухли глаза. Потом она справилась с горем, расцвела краше, чем прежде, научилась растить детей одна, полагаясь только на себя и на подросших сыновей, но в первые дни, недели, месяцы ей было невыносимо тяжело, и они умирали вместе с ней.

Второй болью было замужество матери через восемь лет. К тому времени они привыкли жить втроем, и, казалось, были абсолютно, безоблачно счастливы, а мать однажды, улыbnушись, сказала, что, слава Богу, дети выросли, и она может попытаться устроить свою жизнь. Вскоре из Бухареста приехал тонконогий пижон с труднопроизносимой фамилией, подхватил улыбающуюся мать, ее чемоданы и увез в неизвестном направлении, как оказалось, навсегда.

Третьей болью, которая превзошла все остальные и стала, очевидно, главной причиной болезни, было возвращение в родные края отца. К тому времени брат уже девять лет был женат, но его, как и раньше, тяготило его сиротство при живых родителях. Отец вернулся побитый жизнью, несчастный, с оползшей книзу правой частью лица, одинокий, и брат, забыв прошлое, взял отца в свой дом. Этого можно было и не делать – у отца в Плоешти в своем доме жила одинокая престарелая сестра, и Аурель надеялся... Но брат поступил по-своему. Отец, оказавшись в родных краях, быстро пришел в себя. Брат жил в доме матери, и отец вошел в него по-хозяйски, будто не отсутствовал почти тридцать лет, словно и не уходил отсюда никогда. Аурель отступил тогда в сторону в напряженном ожидании – они с отцом слишком хорошо знали друг друга. Нужно было предостеречь брата, но это значило пойти против отца...

Отец, и в шестьдесят семь лет, как и десятилетия назад, оставшийся завоевателем и разрушителем, вошел в дом брата и перевернул все вверх дном. Он любил сына, но это совершенно ничего не значило. Его дьявольское обаяние, действовавшее безотказно на всех женщин,

не умалили ни годы, ни подступившие к тому времени болезни. Он увидел Диану, тридцатитрехлетнюю жену брата, и в ту же минуту со всей силой возжелал ее.

Это был приговор – женщины всегда оказывались бессильны перед его желанием. Они могли сопротивляться, движимые любовью к другому, чувством долга или страхом, но, если он не сбавлял напора, накала чувств, в конце-концов сдавались. Все. Это было делом времени. Исход был предрешен. Диана тоже в конце-концов сказала себе, что так будет лучше. Почему и для кого лучше, она и сама не знала. Это было похоже на наваждение.

Потом все вышло наружу, хотя отец и не пытался скрывать своего превосходства. Диана плакала, просила прощения, но брат не смог вынести двойного предательства, не смог простить. Наверное, та обида в конце-концов и разрушила его. Отец уже давно не жил в его доме, а брат все помнил зло, был холодно-недоверчив с Дианой, а при встрече с отцом опускал глаза и становился молчалив. А потом заболел и умер.

Аурель потер выколотый на среднем пальце перстень и подумал, что, несмотря на все обиды и несправедливости, он все еще жив и счастлив благодаря тому, что не жалел о сделанном, не пытался противостоять естественному ходу событий и никогда ни на кого долго не обижался. Обиды себе и людям отпуская в короткой вечерней молитве, которая была больше похожа на душевный разговор со старшим мудрым человеком, которому можно было просто сказать: «Прости меня за все!»

Он совершал поступки сам или под гнетом обстоятельств – но тоже сам, платил за них сам, и сам же получал награду, но никогда не винил за прошлое ни себя, ни кого-нибудь другого. Так было во все времена: когда он служил в звании майора в армии Чаушеску, когда потом за это сидел в тюрьме, где были сделаны эти наколки: перстень на безымянном пальце и имя «Клаудия» чуть выше запястья, когда строил дома в Чехии, а потом дороги в Израиле под безжалостным солнцем. Сейчас ему пообещали работу полегче и почти тысячу долларов ежемесячно. Пока он не знал, награда это или расплата за что-нибудь, но это жизнь. Это его жизнь, и, по крайней мере, ее не назовешь скучной.

6.

Гексаграмма 44. «Хорошо, если характерной чертой вашего нынешнего поведения будет сдержанность. Отнеситесь внимательно к переменам в контактах с людьми и попытайтесь оценивать их действия менее критично. Исполнение желаний и надежд проблематично. Будьте экономны. Внутренне подготовьтесь к тому, что скоро последуют неожиданные события, не сулящие вам ничего благоприятного.»

Ривка была главной в этой жизни. Она родилась такой. Она была хозяйкой большого дома, газона вокруг него, розовых кустов вдоль ограды, четырех апельсиновых деревьев и моря, что синело в сотне метров от особняка. Ее дом прислушивался к каждому ее слову, боясь пропустить хотя бы интонацию. Муж умер молодым, ему едва исполнилось сорок пять. Возможно, его убил страх пропустить что-то в бесконечных монологах жены. Но скорее всего, он умер потому, что однажды Ривка признала его недостойным жизни. Он утомил ее своей абсолютной нечуждостью дома и неподконтрольностью, когда находился вдали от нее – на работе, с друзьями...

Чем он там занимался? О чем думал? Дай мужчине свободу, и хлопот не оберешься. Иногда таким независимым он возвращался домой и пытался сопротивляться ее воле. Эти раздумья и переживания утомляли Ривку. В конце-концов ей надоело мучиться в неведении, и она сказала: хватит. Здоровый до того мужчина схватился за сердце, лицо его посерело, и все было кончено в одну минуту. Она не чувствовала ни вины, ни сожаления.

Дочь, ставшая ровесницей матери в двадцать пять лет, дальше старилась вместе с ней и рядом с ней, и большие и маленькие зеркала в доме отражали их морщинки и складочки, появлявшиеся в одно и то же время, их синхронное тотальное поседение в шестьдесят ривкиных, когда из дома ушел единственный человек, так и не подчинившийся этой женщине – ее сын.

Он всегда вел свою игру: он смеялся, когда Ривке было грустно, и плакал, когда ей было весело, и не из чувства противоречия – тогда бы это была не его игра – а потому что в эту минуту ощущал себя именно так. Он жил беспутной жизнью, ловко обходя законы и запреты, возведенные матерью, а однажды ушел вслед за тощей до прозрачности белокурой дурочкой со вздернутым носом и серо-голубыми глазами, непонятного роду-племени. Ривка бросила ему вслед свою дорогую деревянную трость, на которую незадолго до того решила опираться при ходьбе, дабы легче было нести ставшее в последнее время слишком грузным тело, а больше – чтобы напоминать домашним о тяготах своего существования. Палка попала в косяк двери прямо за спиной сына и сломалась, а он даже не обернулся.

После ухода сына Ривка поседела в одну ночь, и не столько от разлуки, сколько оттого, что впервые мир так жестко и безжалостно показал ей, что она не всеильна., что кроме ее крепких маленьких рук, направляющих свою и чужую жизни, есть еще более могущественная длань, с которой даже она, Ривка, не в силах тягаться. Она тяжело переживала это открытие.

Вслед за матерью в течение месяца, поседела и дочь. И теперь зеркало, как и раньше, отражало двух очень похожих женщин, их тени и мешочки под глазами, их морщины на лбу, их дряблые шеи, утратившие упругость щеки, седые волосы и зеленые, очень похожие глаза, хотя в самой глубине их у молодой женщины таилось что-то... К счастью, Ривка долгое время не замечала этого.

После ухода сына Ривка горевала три дня. В первый день дом и апельсиновые деревья в саду притихли и словно утратили цветность, возможно, чтобы стать менее заметными и не попасться под горячую руку хозяйки. Бурю могла вызвать любая малость – слишком далеко отстоящий от обеденного стола стул, капля воды, высохшая на никелированной поверхности крана, хлопнувшая от неосторожного сквозняка дверь, туманное пятнышко в зеркале, сочувствующий взгляд дочери или лист апельсинового дерева, не вовремя сорвавшийся с ветки.

Домашние – кроме дочери в доме Ривки жила еще Эмма, женщина, помогавшая по хозяйству – тоже затаились. Ривка бушевала: таких криков, ругательств и угроз окрестности до сих пор не слышали. В тот день, вечером, от яростной ненависти, словно яд, исходившей от Ривки и иссушавшей пространство, сдохла большая бледно-зеленая игуана, жившая под домом. Через два дня ее смерть стала очевидной – ужасающий трупный запах проник во все щели и потайные уголки дома. Ривка повелела найти «эту дрянь» и удались ее с территории усадьбы. Однако дело оказалось непростым, и еще долго соседи судачили об исчезновении сына и о явном присутствии трупа на соседнем участке, а помощница Эмма в течение недели пыталась обнаружить в темноте подвала источник отвратительнейшей вони.

Еще через несколько дней вонь исчезла, а от игуаны остались лишь жалкие белые косточки – все остальное было унесено и съедено или аккуратно складировано большими, трудолюбивыми, черными муравьями, которые, движимые общественным инстинктом или чувством долга, на боялись никого, даже Ривки. Обнаружив погибшее животное, они двинулись к этому месту – а потом обратно – стройными рядами, неся на спинах кусочки добычи. Правда, следует сказать, что в целях безопасности их муравейник в свое время был заложен на достаточном расстоянии от дома, дабы то и дело зарождавшиеся здесь ураганы, то большей, то меньшей силы, на могли нанести ему вред.

Вскоре после ухода сына, движимый чувством самосохранения, покинул дом и старый сверчок, живший много лет за камином, в которого, вернее, в скрежет которого, Ривка ино-

гда бросала зимой свои теплые, отороченные мехом тапочки, и которого любила послушать в благодные дни.

Если первый день был днем гнева, то второй – днем слез. В тот день Ривка не захотела вставать утром с постели, отвергла завтрак, умывание, умашение благовониями и обязательную утреннюю процедуру – подведения от переносицы к вискам черных, как ночь, стрелбровей, и поддурманивания розовой пудрой щек. Она была почти тиха и слезлива. Это было настолько не в духе Ривки, что дочь испугалась, вдруг матушка отходит в мир иной, и вместе с Эммой они вызвали врача. Врач осмотрел тихую, бледную, молчаливую женщину, послушал легкие, почти не встретив обычного в таких случаях сопротивления, измерил температуру, заглянул в глаза, хотел было заглянуть и в рот – проверить горло, но не был допущен, покачал головой, подумал и, предположив, что здесь дело не обошлось без инфекции, прописал антибиотики и вышел вон. «Дурак», – вынесла приговор Ривка, как только дверь за доктором закрылась, и яростно плюнула ему вслед, однако лекарства из рук дочери со стоном приняла, напугав бедняжку чуть не до смерти своей бледностью и закаченными под веки глазами.

Следующую ночь больная не спала и только стонала, когда мысли ее делались слишком тягостными. Однако в этих ее ночных бдениях был свой плюс, и к утру третьего дня она с торжеством человека, предвидящего будущее, решила для себя, что сын ее просто слишком молод и глуп, как пробка, но что время все поставит на свои места, и он еще приползет, битый жизнью, на порог ее дома, и она, Бог даст ей терпения, примет его. Это прозрение вернуло ее к жизни.

После обеда третьего дня Ривка велела своим женщинам помочь ей подняться, приняла ванну с голубыми солями Мертвого моря, приносящими успокоение и свежесть, нарисовала ярко брови и щеки, надела свои любимые темно-синие брюки и нежно-розовую блузку и велела дочери везти ее по магазинам. Она выздоровела, и, как и раньше, повела жизнь своей железной маленькой рукой.

Шло время, но сын ее не возвращался. Он не объявился ни через неделю, ни через месяц, ни через год. До Ривки доходили слухи, что он женился на блондинке, получил диплом ариэльского колледжа и уехал в Америку, а оттуда – в Китай, в Тибет, в Шаолиньскую школу ушу, где совершенствует свой дух и тело. Говорили даже, что Ривка уже дважды стала бабушкой, но она напрочь отвергала такую возможность, потому что все, что было сделано без ее ведома и соизволения, не имело права на существование.

«Дурью мается, – подводила итог услышанному Ривка, – Еще вернется.» Но годы шли, а она вынуждена была довольствоваться обществом сильно постаревших Эммы и дочери, которая теперь каждый день по утрам уезжала на работу и сидела с восьми до четырех в конторе фирмы, обеспечивающей город газом. Начальник отдела время от времени делал ей двусмысленные комплименты и предложения, а она с ужасом думала, как ей следует реагировать на его слова и взгляды. Больше всего она боялась обидеть его своей холодностью и невниманием, но и пойти навстречу его домогательствам она тоже не могла, потому что не знала, как это сделать, и хорошо ли это. Теперь она часто плакала вечерами, и причиной ее слез был уже не страх пред матерью.

Единственным человеком, кому она в конце-концов рассказала о своих терзаниях, была старая Эмма.

– Что тут мучиться, – сказала та, оглядывая женщину, – Если он интересный мужчина и не противен тебе, отдайся ему. Терять тебе уже нечего. А если не хочешь, пошли его подальше.

Услышав такой совет, женщина испугалась еще больше. Теперь она подолгу рассматривала свое отражение в потемневшем от времени зеркале в своей спальне. В нем морщинки были невидны, и она казалась себе моложе. Через несколько месяцев ей должно было стукнуть сорок, а она еще ничего не сделала в этой жизни.

В один из дней она пошла утром в парикмахерскую и покрасила свои давно уже седые волосы в золотисто-русый цвет, отчего помолодела лет на пять.

Начальник – настоящий мужчина – сразу оценил произошедшую в своей сотруднице перемену, вызвал в кабинет и после обсуждения необходимости закупки большой партии бумаги для офисного принтера, провожая, шлепнул ее по заду и попросил задержаться после работы. Она вся напряглась, покраснела, побледнела, но вечером, как он и просил, осталась в конторе допоздна – дабы довести до ума квартальный отчет. Начальник оценил ее усердие. Около восьми часов, когда в здании уже никого не было, он зашел к ней в кабинет и после недолгих приготовлений тут же, на рабочем месте, торопясь и оглядываясь, облагодетельствовал ее поспешным совокуплением. Она не получила никакого удовольствия. Однако на следующий день все повторилось вновь, и на этот раз она испытала неведомое доселе ощущение, столь необычное и восхитительное, что ради этого стоило жить.

В день грехопадения дочери, Ривка, увидев ее поздно вечером с небывало светлыми волосами, впала в страшный гнев. Изрыгая чудовищные проклятия, она пригрозила неблагодарной всеми небесными карами, простое перечисление которых заняло не менее десятка минут. Но преступница хранила мочание, упрямо склонив вперед изуродованную золотой краской голову, и оставалась подозрительно спокойной. Это еще больше взбесило Ривку. «Совершенно очевидно, кричала она, что дочь хочет ее смерти, коли так издевается над больной и слабой женщиной».

Проснувшись на следующее утро, Ривка объявила, что дни ее сочтены, что теперь только остается ждать, когда Б-г приберет ее и начала вслух считать оставшиеся до кончины дни, «чтобы, подчеркнула она, доставить удовольствие дочери и Эмме». Она говорила утром за завтраком: «Один, надеюсь, я доживу этот день до конца, несмотря на все ваши усилия», а за ужином торжественно объявляла: «Мне хватило на это сил, несмотря ни на что!» На следующий день она говорила смиренно: «Два. Я знаю, что вам это неприятно – находится рядом со старухой, которая вызывает у вас только раздражение, но пока я жива, вам придется мириться с моим присутствием» «Три, – объявляла она на следующий день, – Я чувствую, близок мой час. Он скоро настанет. Тогда вернется и мой сын и, упав на могилу матери, поймет, что только я одна любила его по-настоящему – никто больше в этом жестоком мире. И вы тоже поймете это, но будет поздно». И так день за днем. Эмма слушала хозяйку почтительно, но отстраненно, а дочь... Дочь, если бы не странные события, происходившие в это время с ней, наверное, сошла бы с ума. Но Господь побеспокоился о ней заранее.

Где-то на девяностый день целенаправленного пошагового движения к могиле Ривка вдруг обнаружила, что счет ее дает странные результаты: талия ее дочери медленно, но неуклонно округлялась, и, хотя та никогда не была тростинкой, сейчас прибавление в ее фигуре становилось с каждым днем все более очевидным. В то время, как объемы ее росли, дочь становилась все бледнее и печальней. Еще через сорок дней, Ривка вынуждена была признать со всей очевидностью, что приближение ее гибели только прибавляет к телесам дочери. Через сто пятьдесят дней Ривка, наконец, поставила диагноз: ее дочь толстеет неспроста.

«Так-так, – сказала она вечером вернувшейся с работы дочери, – Что ты мне скажешь по поводу вот этого, – и она тихонько ткнула палкой в округлившийся животик напуганной до смерти женщины, – Что ты там прячешь от меня, милочка? И кто виновник этого сюрприза?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.